

Алексей Амелин

Покой
жителей
Верно

16+

Алексей Амелин
Покой жителей Верно

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Амелин А. В.

Покой жителей Верно / А. В. Амелин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Тихая, размеренная жизнь островитян нарушена некоей чудной напастью. Начавшись как анекдот, история оборачивается большим приключением, в коем устный почтальон Той многое узнаёт о прошлом острова и активно участвует в определении его будущего. Фантастика здесь такая околонуточная, почти объяснимая рационально. Будут горы и пещеры, научные диспуты и нелепые ситуации, тёмные тайны и неожиданные открытия. И, конечно, не обойдётся без верных друзей и прекрасных дам. Изложено простым, удобным языком, интересно будет и подростку и глубоко взрослому читателю.

© Амелин А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Верно

В городе Верно давно ничего не случилось. Граждане уже начинали волноваться. Гадали: к чему бы это подозрительное затишье? Может судьба готовит Верно к чему-то страшному, роковому? Или такая скучная жизнь будет теперь всегда, потому что у Богов, у судьбы, или у самих людей, вдруг кончилась фантазия?

Ни что в городской жизни не привлекало внимания, всё шло как всегда. За исключением лишь того, что раньше всегда что-нибудь было не так, а теперь, совсем как всегда. Это было очень странно и наводило на жителей тоску и тревогу.

Люди старались цепляться хоть за что-то: пытались найти, больший, чем есть, смысл и удовольствие в простых каждодневных заботах; старательно множили вздорные слухи; силились припомнить старые сказки и вчерашние сны. Из-за отсутствия новостей, собеседникам приходилось вспоминать совсем уже давние события, а иной раз, вовсе выдумывать чёрт знает что. Но как бы граждане не фантазировали, бесконечно перевирая прошлое, нынешний недостаток событий невозможно было восполнить.

Раньше в таверне постоянно обсуждали новые происшествия – живые, полные подробностей хитросплетения обстоятельств. Такие нарочно не придумашь. А теперь: кто-то с отчаянной надеждой смотрел вдаль; кто-то напряжённо вглядывался в небо; а кто-то врал взахлёб, то ли со скуки, то ли для самоуспокоения.

Горожане истощали винные погреба, но вино радует, только если есть о чём говорить... Иные выходили к проезжему тракту, расспросить путников про их чужедальные дела, да путники почему-то проходили всё реже, вести несли несвежие и мало. Может и в других землях та же напасть? Даже погода нынче стала какой-то невыразительной: ни холодно, ни жарко; солнца и облаков всегда в меру; ни гроз, ни штормов; и если дождь, то не ливень, а так – моросит невнятно.

И, может жители от скуки уже потихоньку сходили с ума, но многие, кому ночами не спалось, утверждали, что якобы ветер, иной раз, приносит с Горы какое-то нудное, монотонное эхо.

Иные посмеивались: «Гора наша, видать, простыла на ветру и кашляет». Но многие верили: «Дракон там, в глубине ворочается». А маленький Йоза сказал сегодня утром: «это каменный великан смотрит на нас сверху и хохочет».

Кто знает, может в тихую ночь слышно шум горных рек, или это отголоски камнепадов? Но «хохот» этот людям не нравился и вводил их в ещё большее уныние.

Городской глава Тано Ульм не любил действовать вопреки традициям, не по плану и торопясь, но сейчас понимал: «самое время уже что-то предпринять».

Совет

В ратуше собрали совет в его неизменном составе: Пастор Монг смиренно сложил руки и закатил глаза, будто в ожидании чудесного, немедленного избавления от нынешней напасти; начальник полиции Петерсон строго зыркал по сторонам, будто в поисках виноватых; от лица науки присутствовал аптекарь Кёрн, держа при себе чемоданчик полный всевозможных стекляшек; а от лица городской общественности – семь старейшин, способных по любому случаю привести пару-тройку наиболее показательных примеров из прошлого.

Глава города выразил собравшимся своё глубочайшее почтение, озвучил повестку и заверил в готовности выслушать всех, у кого есть хоть какое-то представление: «как вернуть покой жителям Верно». И вот уже Тано грациозно и степенно пятился от трибуны, простирая руку в приглашающем жесте.

Тано восседал в своём кресле за массивным столом, в ожидании остроумных и глубокомысленных инициатив. Неизменный Тано занимал свой пост с незапамятных времён. Человек, знающий наизусть систему городского водоснабжения, всегда умеющий разрешить принципи-

альные политические разногласия перепившей и недопившей стороны, неспешный и немногословный, он всем своим видом показывал, что сегодня, без решения, разойтись нельзя.

Однако собравшиеся с предложениями не спешили. Монг бормотал что-то себе под нос и шарил взглядом по потолку, то ли в поисках знаков свыше, то ли сомневаясь в надёжности конструкций. Петерсон нахмурился и положил руку на большой деревянный свисток (уже с давних пор полиция в этих краях другого оружия не держала). Кёрн поглядывал, то на свой чемоданчик, то на старейшего из старейшин, коего привели сюда под руки. Все помалкивали. Тано вопросительно перевёл взгляд на старейшего – старейший затрясся, будто бы в отрицательном жесте. Прочие старейшины засовещались меж собой, но... только разводили руками – видимо, ничего похожего на нынешнюю странную напасть в прошлом не обнаруживалось. Тано понял: «решение придётся принимать самому». На такой случай он благоразумно запасся уже готовым, хотя, по сути, лишь временным решением. Тано не спеша соединился с трибуной:

– Отсутствие событий – чудная напасть. Да и «хохот» этот... Доселе со всеми бедами мы справлялись своими силами, потому как хватало нам своего ума, понять их причины. На этот раз, так полагаю, следует нам кого-нибудь отправить – разузнать, как обстоят дела в других землях. Надо бы дойти до Маяка, да и в Обсерватории поспросить..., словом, как следует оглядеться и посоветоваться. А там – как пойдёт. Дело может обернуться экспедицией по всему Острову, – Тано чуть было не улыбнулся, – уж где-нибудь, да знают, что нам делать.

Тано сделал небольшую паузу, больше для проформы, нежели ожидая каких-либо возражений и дополнений. Он «ощупал» внимательным взглядом собравшихся и продолжил:

– Тут мало быстрых ног. Послать нужно кого-то грамотного, понимающего, но лёгкого на подъём – дорога не близкая, да и не везде есть дороги..., – Тано умолк в ожидании предложений.

Лёгкий на подъём Петерсон приподнял бровь, и опустил уголки рта. Более чем грамотный Монг ёрзал и вертел головой. Кёрн сидел спокойно, зная, что без него в Верно не обойдутся. Старейшины принялись тихо ворчать про беспутность и никчёмность нынешней молодёжи.

Тано Ульм понял: «опять решать самому». И снова у него было кое-что припасено. Он вновь не спеша оглядел собравшихся:

– Некого нам послать..., кроме Тоя. Молод, но, и грамотой владеет, и Быструю речь знает. Все книги, что в городе есть, прочёл дважды. И вообще, дело для него, для почтальона, самое подходящее. Через пару недель вернётся – хоть новостей принесёт, а может уже и решение готовое.

Тано, в глубине души очень довольный своим мудрым выбором, позволил-таки себе умеренную, в рамках приличия, улыбку. Петерсон чуть не хлопнул в ладоши, но вовремя замедлил жест и, только, судорожно потёр руки. Монг, будто бы поправляя шляпу, незаметно вытер со лба пот. Все присутствующие одобрительно кивали, выказывая уверенность: «в Обсерватории всегда знают, что делать» и «с Маяка, конечно же, будет видней».

Из ратуши выходили в приподнятом настроении. О решении, сразу же было объявлено на городской площади. Старейшины, «застряли» в окружении досужих граждан. Изнурённые скукой и крайне обеспокоенные нынешним положением дел, жители смаковали подробности заседания. Они надеялись, что предприятие Тоя, если и не исправит положения, так может, хотя бы, даст понимание происходящего, то есть, вовсе ничего не происходящего в Верно.

Оставалось только сообщить самому Тою, какое важное дело доверили ему на этот раз. Конечно, можно было за ним послать, но Тано захотелось пройтись – осенний, воскресный день, других дел сегодня у главы не было...

За Тано увязались и Петерсон с Монгом. Такая представительная делегация привлекала внимание прохожих. Жители останавливались, смотрели с любопытством, задавали вопросы и бежали искать – с кем обсудить услышанное.

Дом Тоя

Гужевого транспорта на Острове не водилось. Грузы доставлялись на лодках, а когда такой возможности не было, жители запрягались в повозки сами. Все прочие перемещения производились, пешим порядком.

Тано с Монгом шли, будто в танце – активно жестикулировали, обсуждая, как лучше пройти к дому Тоя. Петерсон, на шаг позади, покуривал трубку.

Крупнейшее поселение Острова – Верно, по меркам Большой земли, городок маленький. Но сложный ландшафт с перепадом высот, с ручьями и речушками, с множеством мостиков и лестниц делали дорогу длиннее. С одной стороны город, где дома были построены в разное время и из разного материала, выглядел, как музей инженерной мысли. В то же время, все сооружения были чем-то похожи, словно дальние родственники от мала до велика, собравшиеся здесь, чтобы водить хоровод вокруг городской ратуши. Буйная растительность и фантазия жителей превратили Верно в изящный лабиринт. Дома здесь стояли так близко, что соседи, выйдя поутру на балкон, здоровались за руку. Вечером те, кому лень было выходить из дома, заводили беседы, высовываясь из окон. Предлагали прохожим выпить чаю, или чего ещё. Каждый подоконник, к вечеру, мог стать прилавком трактирщика.

Той жил в северной окраине Верно, где домов было поменьше, а зелени побольше. Маленькие строения в один-два этажа, как грибы теснились меж буйной растительности. Под окнами процветали ухоженные клумбы. Вдоль дорожек сутулились небольшие плодовые деревья. Изредка встречались и старенькие заброшенные хибарки, заботливо укутанные мхом и одичавшим кустарником.

Жилище у Тоя было скромное, но приметное. Дом на половину врос в склон, там, где каменный мост сгорбился над дорогой, расталкивая высокие обочины. Комната наверху была Тою и кабинетом и спальней: стол у окна, книги на подоконнике и на полу, кровать, заваленная всё теми же книгами. Они лежали везде. Книги были заложены какими-то записями, схемами, картами, рисунками, птичьими перьями и друг другом. Можно было подумать, что хозяин читает все свои книги одновременно. Комната внизу выглядела нежилой, а служила одновременно гостиной, мастерской и кладовой. Здесь, местами упорядоченно, местами как попало лежали предметы, найденные Тоем во время прогулок. Причудливо сросшиеся коренья, камни странной формы и цвета, сломанные замки, потерянные ключи, какие-то детали. Зачастую предметы несли следы неких экспериментов. А некоторые экспонаты уже украсила паутина. Части от самых разнообразных механизмов, иной раз, соединялись во что-то интересное внешне, но совершенно неясное по назначению. Странные иероглифы из ивовых ветвей и медной проволоки свисали с потолка, и медленно вращались под действием сквозняков. Устроены они были так, что вращающийся знак можно было прочесть, как последовательность нескольких. Несмотря на беспорядок, все эти никчёмные, лишние вещи складывались в своего рода уют.

Этой осенью жизнь дома, вроде бы, шла своим чередом. Вот только последнее время песок с дороги стал осыпаться, прямо на окно. И сломанный уличный градусник, давно замерший на одной отметке, теперь, по нелепому совпадению, вместо погоды показывал, будто бы уровень земли. Это наводило на Тоя тоску. Он любил свой дом, но смотреть в это окно было неприятно. Сделать с этим песком ничего не удавалось. Если Той выгребал его от окна, назавтра песок вновь осыпался с холма в том же количестве. Про себя, Той обзывал это окно «песочными часами».

И вот, как-то раз, Той взял, и переставил градусник в окно кабинета, наверху.

Той сидел за своим столом и задумчиво смотрел на сломанный градусник, который отныне показывал не что иное, как уровень горизонта между взгорьем и лесами. Вот уже час, Той с удовольствием убеждался, что горизонт всё там же, как вдруг раздался стук в дверь (зво-

нок в доме, как и многое другое, выглядел интересно, но не работал). Стук был нетороплив и обстоятелен. Той в два прыжка спустился на этаж – старая лестница сипло охнула, входная дверь испуганно пискнула, и на уровне лица Тоя обнаружилась большая рука Тано, сжатая в кулак. Тано, улыбаясь, расправил пальцы руки в приветственный жест:

– И постучать, ещё толком не успел...

Той удивился и обрадовался визиту, представляя, что за важное письмо, или посылку ему придётся доставить и, как далеко. Он истосковался по работе. В городе новостей не было, и никто не спешил никого, ни в чём уведомить. Гости ещё более обрадовали Тою, объяснив, насколько далеко и надолго ему придётся отправиться на этот раз. Тано торжественно вручил Тою поручительное письмо с удостоверяющей печатью и просьбой о содействии. Монг – мешочек ароматных сухарей. Петерсон – пару крепких походных башмаков и двадцать монет.

Теперь они молча стояли и смотрели на Тою, прикидывая, что из этой затеи выйдет. Той выглядел обнадёживающе: улыбался, предлагал чаю и уже успел напялить один из новых башмаков.

Гости уточнили детали предприятия, обсудили возможные маршруты и вероятные препятствия, дали пару добрых советов, и, по причине волнительности момента, выпили весь имеющийся в доме чай.

Уже было сказано всё, что только можно, по случаю и вообще, а за окном успело стемнеть, когда Тано, наконец, возвестил:

– Однако нам пора. Да и ты тут не задерживайся. Город ждёт новостей.

Монг прослезился. Петерсон сжал Тою руку. Той заверил:

– Утром выйду, к вечеру буду у перекрёстка. А там уж решу, куда сначала – к Маяку, или в Обсерваторию.

***

Засыпая, Той решил, что выйдет пораньше и завтракать будет уже в дороге, сидя под раскидистым дубом. И чтобы за спиной был лес, а перед глазами поле.

Трактир

К вечеру следующего дня Той уже с трудом узнавал места, но в дороге не сомневался. Когда-то в юности он добирался до перекрёстка. Тогда Трактир представлялся ему волшебным замком. Внутри безусых не пускали и Той ходил кругом, исследуя причудливый фасад, украдкой заглядывая в окна и населяя всё видимое воображаемым смыслом, сказочными существами и чудесными событиями. Вообще он много бродил по окрестностям. Когда в альбоме, а когда на обрывках обёрточной бумаги, Той делал зарисовки и заметки. Потом, уже дома, он формировал на их основе не очень точные, но полные изящного художества карты окрестных земель. В Верно они пользовались успехом. Особенно у граждан солидных, коим не пристало самим шляться, где попало, а вид из окна родного и любимого дома давно наскучил. Приятно глядеть зимним вечером на висящую над камином карту и вспоминать места, где когда-то бывали, или всегда хотели побывать. Поглядывая на такую карту, легко было поддерживать разговор даже с плохо знакомыми гостями. Такая карта в доме была вроде «камина греющего душу», или будто ещё одно окно: вдаль, в прошлое, в будущее и вовсе несбыточное.

Темнело. Но вечер был ясен, воздух прозрачен, видно было далеко. Пытливый взглядом Той мысленно прокладывал себе путь, через открывающиеся пространства. Он шёл с улыбкой на лице, представляя, какие мосты и ограды украсят дорогу впереди. На случай особо интересных конструкций, или происшествий, у него был с собой небольшой альбом, на половину уже изрисованный и исписанный Быстрой речью. Той шёл с удовольствием, но ближе к ночи дорога всё больше устало прогибалась и недовольно ёрзала под ногами. В тишине, со стороны Горы стал хорошо слышен тот самый «хохот».

Захотелось уже некоторой определённости с ужином и ночлегом. Той торопился убедиться, что Трактир у перекрёстка всё ещё на своём месте. Споткнувшись пару раз о памятные с детства коряги, Той понял, что уже близко. Он шёл и прикидывал: чего больше хочет – есть, или спать. Той ещё не решил, куда пойдёт после, но не зайти по дороге в Трактир, было никак нельзя. Как там потом будет в дороге... А здесь, не только приятные детские воспоминания, но и горячий ужин, холодное пиво, тёплая кровать с прохладными простынями. Да и дело обязывало Тою заглянуть в Трактир – трактирщик, среди прочего, обязан был отвечать на все вопросы посетителей и быть в курсе всех новостей.

Той шёл и вспоминал всё, что знал об этом месте. Друзья постарше рассказывали про девушек разносящих пиво, молодых, улыбчивых, несущих разом по дюжине кружек, крепко и нежно прижав ношу к груди...

Когда-то в прошлом здесь случалось видеть и иные забавы. Народ Острова в целом миролюбив, но пиво и простой люд, с его простыми грубоватыми развлечениями... в Трактире можно было наблюдать драку. Редко из-за натуральной ссоры, обычно – соревновательно, на спор, с денежными ставками и азартными болельщиками. При этом драка всегда предварялась соревнованием в питии и обжорстве, от чего последующая схватка являла собой скорее комичное представление, чем суровый, бескомпромиссный поединок. Однако после одного случая кулачные бои в Трактире запретили. Старый Эб, вечно пьяный завсегдатай подобных развлечений, во время драки случайно задохся, подавившись рвотой.

Теперь старые бывалые драчуны соревнуются лишь следующим образом: выходят на двор, становятся друг напротив друга, им подаётся по одному жареному цыплёнку..., в общем, побеждает тот, кто за «карьеру кулачника» сохранил больше зубов!

Тем временем среди сосен и елей уже замелькали маленькие, жёлтые огоньки. Трактир вырисовывался в темноте зыбким силуэтом, ещё позволяя воображению дорисовывать детали, считать себя волшебным замком, логовом чародея, или старым скрипучим кораблём в ночном рейде.

Лес поредел, и Той с интересом разглядывал открытые настежь ворота двора, фонарь при входе, потёртую вывеску. Стали слышны, то ли монотонные песни, то ли неторопливые разговоры, нараспев, под аккомпанемент позвякивающей посуды. Теперь уже и слепой добрался бы до Трактира. И даже глухой – по запаху.

Тою казалось – дорога ведёт его прямо в детские мечты о дальних путешествиях и сказочных приключениях. Было немного ветрено, фонарь при входе мерцал и приветливо кивал гостю. Той мелодично скрипнул дверью и окунулся в шумок зала, полного пьяных, сытых и просто усталых людей. Наблюдая мачты перевёрнутых табуретов на незанятых столах и волнующиеся паруса грубых занавесей у открытых окон, Той окончательно определился: «скорее старый корабль, чем логово чародея». Всё здесь было примерно так, как Той себе и представлял. Разве что, ожидал чуть больше веселья и шума. Посетители в целом выглядели какими-то вчерашними. Будто через чур засиделись. Будто они тут ждут чего-то и уже долго, а всё никак не пора. На вошедшего поглядывали с любопытством и даже как-то, с надеждой.

Той прошёл к стойке. Аппетитные запахи уплотнились настолько, что Тою подумалось: «можно надышаться ими досыта и сэкономить на заказе». Трактирщик, поплёскивая то посудой, то лысиной, крутился во все стороны, не переставая всё время говорить что-то подручным и гостям. Той попросил ужин. Трактирщик распорядился, и пока Той искал в сонной голове нужные вопросы, заговорил сам:

– Вижу, что из Верно... и не просто так, а с поручением.

Той хотел было удивиться, но передумал, представив, как он выглядит в дорожных башмаках, с сумкой за спиной. Возраст, опять же, в самый раз для посыльного и время прибытия как раз такое, будто он шёл весь день, выйдя с утра из Верно.

– Всё так. С удовольствием расскажу вам о своём деле и приму добрый совет.

Той аккуратно, почти торжественно передал трактирщику поручительное письмо. В зале притихли, некоторые украдкой оборачивались к стойке.

Той рассказал... Той любил и умел рассказывать. В Верно ему частенько приходилось служить устным почтальоном для неграмотных жителей. Он умел подать даже плохую весть так, что адресат оставался в хорошем расположении. Но сейчас шуток он добавлял в свою речь умеренно, показывая тем самым, что обстановка в Верно весьма серьёзна.

Трактирщик терпеливо выслушал и грустно улыбнулся:

– Все нынче идут через перекрёсток и рассказывают одно и то же. Повсеместные жалобы на отсутствие новостей, да «хохот» с Горы, вот новости единственные и всем нынче уже известные. И нам явно не хватит их одних, чтобы скоротать все вечера этой осени, – трактирщик несколько замедлил свои однообразные движения. – Не знаю, что и советовать. Ничего похожего на нынешнюю напасть не припомню, но в былые-то времена все беды Острова, так или иначе, были связаны с Горой. Если так вам надобно новостей добыть, так может, впору уже за ними к самой Горе отправиться? Только как бы эти вести не оказались дурными...

– Так уж нам, хоть каких-нибудь, – прогудел здоровенный рыбак в широкополой шляпе.

Той окинул взглядом столы. Его внимание осторожно черпало мутноватое пространство низенького зала и аккуратно выуживало сегодняшних посетителей. Всё это были люди простые и неприметные, в основном, рыбаки. Колоритный здоровяк в шляпе за ближайшим к стойке столом затмевал всех прочих.

Той поблагодарил хозяина и попросил передать с кем-нибудь записку в Верно. Не отходя от стойки Той быстро кривовато вывел: «Дошёл до Трактира. Здесь и всюду та же напасть. Только «хохот» чуть громче. Дальше пойду к Обсерватории».

Поставив дату, Той захотел присесть в укромном уголке, помолчать и послушать других за кружкой пива. Он выбрал столик, который не заметил поначалу – скрытый тенью, у самого входа. Отсюда хорошо просматривался весь зал, и удобно наблюдались все входящие и выходящие. «Хорошее место для засады», – улыбнувшись сам себе, Той принялся тихонько поджидать свой ужин и... мало ли чего ещё. Местные с приходом Тоя несколько оживились. Той с интересом прислушивался к их разговорам, и даже достал блокнот на всякий случай. Среди прочего в глубине залы часто мелькали слова «Гора» и «Маяк». Якобы кто-то видел с Маяка сигнальный костёр с Переправы. И стало быть, вроде как уже пора. А что пора, куда пора – никто не знает. Потому как все что-либо знавшие – это давно почившие в земле мертвецы, или вовсе уже невозможные старики в Обсерватории.

Той засомневался: «В Обсерваторию? Или может, пойти сначала к Маяку? Узнать толком – что там видели?». Надо было решать. Той решил взять пива. Это было промежуточное решение, но он надеялся, что пиво придаст ему решимости для окончательного.

Пиво принесли сразу, а вскоре и ужин – Той едва успел сделать первый глоток. Он немного подкрепился и сделал второй глоток: «Пойти к Маяку, оглядеться, узнать у Смотрителя, что он видел за последний месяц?» Глотнул ещё: «Обсерватория... те смотрят в основном на небо, но поведать могут и о другом. О многом... и о прошлом, и о насущном, а иной раз знают и кое-что наперёд». Он потягивал пиво, отмеряя глотками аргументы в пользу того или иного направления, но сбился со счёта и допил одним махом. Той чувствовал – время уже позднее, а не приняв решения, ему не заснуть. Чтобы на этот раз не сбиться со счёта, он решил взять сразу две – «Маяк» и «Обсерваторию».

Пиво заканчивалось. Выходило какое-то неубедительное преимущество в пользу Маяка. Разговоры вокруг совсем стихли, кружки мерно постукивали по столам. Заснувший за столиком рыбак невнятно бормотал что-то вроде «...отрезай сыр от колбасы...». Глядя на него, Той размышлял: «Взять ещё кружечку? Нет... точно пойду в Обсерваторию, а насчёт пива – тут надо ещё подумать...»

Задремавший Той очнулся, услышав, как открылась скрипучая дверь Трактира. Не один Той, все местные с любопытством рассматривали интересного гостя. Посетители оживились, Трактир слегка «загудел». Сумка искателя с множеством отделений и карманов была плотно набита внутри, и густо обвешана снаружи. Диковинные приборы и инструменты заворожили Тою. Один из приборов расположился прямо на лице гостя – у него на носу повисло маленькое коромысло, опрокидывающее в трактирный сумрак внимательный, пытливый взгляд. В Верно очки носил только аптекарь Кёрн. А местные рыбаки могли и вовсе не знать назначения блестящего предмета. Той исполнился уверенности, что эта «ходячая лаборатория» способна выпарить и выщедить новость там, где любой другой, только зевнул бы и пожал плечами. Поймав момент, когда взгляд искателя коснулся его «засады», Той поднял руку в приветственном жесте:

– Сердечно прошу составить мне компанию! С меня пиво и интересный разговор!

Время было позднее. Видимо гость устал. Он с ходу развернулся к столику Тою и молча расположился, «усадив» свою поклажу на свободный стул. Гость понимал: вскоре местные рыбаки, охотники и прочие простаки будут его, как редкую дичь, загонять досужими вопросами. И чтобы не обидеть, придётся аккуратно отвечать как можно более доступным образом. Он надеялся, только, что начнут не сразу, дадут время утолить жажду и голод. При этом Той не был похож на рыбака. Искатель мог надеяться, что в лице Тою он найдёт более-менее понимающего собеседника. Искатель поправил очки и представился:

– Ингмар, предпочитаю светлое, следую к Маяку.

– Теперь и я знаю, что к Маяку иду! – обрадовался Той. Сегодня «Обсерватория сама пришла к нему», и завтра можно будет уверенно следовать к Маяку, по дороге выясняя, что знают о нынешней напасти в Обсерватории. А там, на Маяке как говорится «будет видней». Той не хотел сразу досаждать Искателю вопросами. Он планировал как минимум – уговориться с Ингмаром, обстоятельно побеседовать завтра на свежую голову, а как максимум – до Маяка идти вместе и по дороге узнать как можно больше.

Когда Ингмару принесли его пиво, они брякнули кружками, сделали по большому глотку и Той, будто бы невзначай выложил на стол карту Острова, сделанную им собственноручно на основе старых, пожелтевших рисунков и записей, грубых схем и рассказней бывалых рыбаков. Ингмар сначала коснулся карты, лишь взглядом, затем осторожно взял в руки. Искатель некоторое время внимательно всматривался в детали, и вскоре, к радости Тою заверил:

– К Маяку пойдём вместе. По дороге и на твои вопросы отвечу, и сам кое-что спрошу. Карта твоя мне понравилась. Будет интересно сравнить с той, что дали мне в Обсерватории.

Ингмар, два дня шедший в одиночку от самой Обсерватории, тоже был рад попутчику. Уставшие и хмельные новоиспечённые компаньоны с любопытством прислушивались к болтовне рыбаков. С приходом Ингмара местные оживились.

– ...Дракон, Дракон... Видел его кто?

– Видели... ну не то чтобы Дракона, но кое-что.

– Все эти рассказы от пьянства в непогоду!

– А прошлой ночью нам всем одно и то же казалось? Смех, недобрый такой... меня тогда аж дрожь пробрала, и пол, кажись, тоже трясся.

– Да ты вечно трясешься! Иной раз и повода не ждёшь!

– Вот вы всё «горные ручьи шумят, камнепады», а я помню, старики говорили про логово в Горе. Да я сам... и дым видел, и огонь! И звук такой... ни на что не похож, вот точно там Дракон в Горе ворочается. То ли тесно ему там стало? А мож заскучал, как и мы тут?

– Ну да! Того и гляди в гости придёт и всё твоё пиво выжрет, – неискренне сочувствовал очередной скептик.

– Ага, – поддержали его за соседним столом, – а как Дракон перепьётся, ему будут рыбаки мерещиться!

– Ох, давайте братцы тоску зальём! Не Дракону ж оставлять?!

– Там не Дракон, – заскрипел совсем седой рыбак, с бровями такими, что сошли бы за усы, если бы росли под носом, – там механизм особый. – Старик поводил руками в воздухе. – Этакая «Арфа» с Горой нашей на некоем мудрёном языке беседует. Мне про то внучка моя в письме разъясняла. Она, как ни как, в Обсерватории обучается.

– Если там, в Обсерватории всё так хорошо знают, что ж никто по сей день с Горой нашей не сладил, «хохот» этот дурной не унял?

– Видать и там не всё знают.

– Да что про Гору... всё равно никто туда соваться не решится после того обвала.

– Это когда Гортанг с учениками ушёл в верховья?

– Сгинули-то они все из-за одного ученика непутёвого!

– Да, что-то этот его недоучка чудное, говорят, сотворил. Вот от того с тех пор в верховьях и непорядок. Забыл я, как его звали...

– А звали его, то ли Ориент, то ли Потивеган...

– Да двое их было! Вернее, даже трое... и третьей была баба.

– Да что толку, двое, трое!? С Горой нам никогда не совладать.

– Всегда она нам покоя не давала, – кивали бородачи.

– А теперь, чем дальше, тем хуже будет, – предположил седой, лохматый старик со скрипучим голосом.

– С Горы-то к нам тоска вечерами и спускается, – подытожил рыжебородый, и оттопырил указательный палец, не выпуская кружки.

Той слушал с интересом, и пытался угадать по лицу Ингмара, какие сплетни имеют под собой основание, а какие не более чем местный фольклор. Рыбаки всё не унимались:

– И никуда нам с нашего Острова не деться...

– Иные говорят, корабль можно построить на вроде тех, что с Маяка видели. Такой, чтоб до Материка доплыть.

– Да как же ты узнаешь, куда плыть? Моря-то вокруг много.

– А надо плыть туда, откуда чужедальние корабли видать.

– Ну, куда плыть – решили. Шторма, рифы и чтоб припасов хватило – это ладно. Но ведь рыбаки знают – если отплыть слишком от рыбацкого берега, течение закрутит, завертит и понесёт на скалы!

– Может разве до нас когда-не-то доплывет большой корабль с Большой земли. Ведь доплыли когда-то сюда наши предки?!

– Так, то была «научная экспедиция». Дело им было какое-то до этой нашей треклятой Горы.

– Плыть издалека, чтобы опять разбить корабль о наши скалы и никогда не вернуться на Большую землю?! Может и будет такое когда-то. Бывают такие люди, которым надо то, что никому другому не надо.

– Одному одно надо, другому другое, а что из этого всего получится...

– А я уж и не знаю, чего хочу...

– Если не знаешь, чего хочешь, значит, хочешь перемен.

Ингмар и Той переглядывались, иногда улыбались и запивали услышанное пивом. Трактирщик в очередной раз наполнил их кружки. Шипящая пена неистово лезла на волю.

– Ну и в шторм мы с тобой попали, – Той кивал в сторону рыбаков, – смотри, как их шатает! Как в их кружках пиво волнуется!

Ингмар о чём-то задумался, глядя на свою сумку. За то трактирщик расслышал Тоя:

– Так ежели «море пива», тут и волнение может подняться и шторм!

Оживление всё нарастало. Трактир «гудел». Отдельные разговоры смешались в «кипучее варево». Все говорили со всеми. Кто-то, видать самый уставший, ворчал:

– Эх, всё врёте и врёте...

– Да я, кроме правды ничего в голове не держу!

Тут же вступал третий:

– Эко у тебя там тесно! А я иной раз и привру. Да может, наловчился уже так, что и правду тебе сбрышу!?

Реплики летели со всех сторон как сухие поленья в гудящий костёр:

– А можно врать и говоря правду, если излагать без понимания!

– Как бы нам тут слишком-то не забрехаться...

– Да не спиться с тоски вусмерть.

– Спиться с вашими аппетитами не удастся, погреба скоро опустеют, – утешил рыбаков трактирщик, и невесело добавил вполголоса, – а вот, если топиться начнёте, то, пожалуй, воды в море на всех хватит.

Здоровенный рыбак, сидевший поблизости от стойки, вдруг бросил свою огромную шляпу в потолок, обнаруживая шевелюру похожую на осьминога. Шляпа выглядела много старше своего хозяина. Привычная к его буйному нраву она кротко повисла на канделябре. Здоровяк взялся для убедительности за кружку и возвестил:

– Нечего нам тут отчаиваться! Как говорил сказочный король гоблинов, Фузг: «Вы слабые, тупые и уродливые, но победа будет за вами!».

– Ох уж этот наш вечный праздник конца света!

– Конец, так конец. Жены у меня нет, детей... так просто не скажешь. А вчера сапоги в реке утопил, и табак мой отсырел. Мне теперь терять нечего!

– Если тебе нечего терять, значит, ты сам потерялся!

– Да так и есть! То на чужое место сяду, то дело пустое затею, то слово нужное забуду...

– Все мы тут потерялись... И ведь, как мал наш Остров, если с бескрайним Морем сравнивать. А как понять всё это? Гора, Гортанг с его непутёвыми учениками, Арфа, дела эти давние... О чём речь, все знают. Да только слухи одни и прижились среди нас. Тогда, те, кто понимал что происходит, себя не берегли. Если б мёртвых спросить..., а живым видать правды вовсе не досталось.

– А-а, всё что угодно можно объяснить тем, что девка понравилась! Была там, говорят, некая Вилегва...

– Ориент, опять же по слухам жив. И слухи эти, не какие попало. Вот у кого бы про Гору спросить!

– Тебе или мне искать Ориента без толку. Ну, найдёшь, и что!?! Тут нужно знать, о чём спрашиваешь. Учёного человека надобно.

– Да, чтобы получить дельный совет, надо уметь задать верный вопрос.

– А-а, что говорить зря, если никто ничего толком не знает? Помню я несколько таких загадочных историй. Все они в итоге заканчивались одинаково: «ко всеобщему удивлению это оказалось тем, чем казалось!»

Болтовня на какое-то время притихла. И вот местные, видимо решили, что уже будет прилично побеспокоить людей грамотных, может чего и понимающих в тех стародавних делах. Здоровяк с «осьминогом» на голове первым приподнялся со своего места:

– Идём Олаф, с умным человеком побеседуем... да что ты там всё жрёшь?!

– Ну почему жру? Кушаю! Я ж ничего такого страшного не ем, – возмутился Олаф.

– Тише, тише. Не спугни рыбу.

Вскоре все, включая Олафа, расселись вокруг Ингмара и Тоя. Ингмар вздохнул и сделал большой глоток пива. Той приготовился внимательно слушать, как Искатель будет мудро отвечать, на глупые вопросы. Про себя Той радовался: «самому завтра меньше спрашивать».

– Скажи нам учёный человек, в чём-таки смысл жизни? – «забросил первым» рыжебородый.

– В счастье, – с готовностью сообщил Ингмар.

– Эко просто у вас выходит! Вы вот человек науки, стало быть, на всё смотрите научно.

И что же тогда для вас Бог?

– Примерно то же, что и для вас – созидательное начало, базовая идея этого мира. Можно считать, что Бог – это мир как целое. Не всё ли равно: Бог-отец или Природа-мать. Учёные ищут знания, а не веры. Но, в итоге, знаем мы ровно то же, во что вы верите...

После непродолжительной дискуссии Ингмар и рыбаки сошлись на том, что дух Бога – любовь, а тело Бога – время. Опрокинув ещё по кружке, вопрос закрыли. И тут же затеяли новый разговор:

– Ишь ты! А вот скажем... человек-то что? Опять же: живёшь, живёшь, вдруг помирать надо. Оно конечно «другие народятся», но с мёртвым-то что?

– У нас принято считать человека стечением обстоятельств, которые организуются в конкретную частность. Далее, человек сам производит обстоятельства, влияя на окружающее. Происходит так называемая «жизнь»...

– Во! Этот научный термин мне знаком! – едва проорав свою реплику, рыжий бородач смачно грохнулся со стула (Тою показалось, что его падению поспособствовал здоровяк с «осьминогом» на голове). Ингмар поспешил закончить мысль, смущённо улыбаясь и кивая:

– ...в этом процессе совершенствуется человек, совершенствуется мир. А умирая, человек становится суммой обстоятельств для живущих после. Возможно, когда-то эти обстоятельства вновь организуются во что-то конкретное, будь то явление, объект, или человек.

– Ишь, какая математика. Это на счётах не проверить. Но вроде складно выходит. Значит «сумма обстоятельств». Считать-то мы здесь не очень умеем... но будем считать, что всё так.

– А точно! – заорал здоровяк. – Каждый мечтает стать кем-то, а станет чем-то. Я, к примеру, стану своей старой шляпой и крепкими рыбацкими сетями. Никто не умеет вязать лучше меня! А трактирщик станет бочкой пива и прорвой анекдотов!

Здоровяк так вдохновенно солировал в хоре хохочущих рыбаков, что даже Той с Ингмаром поучаствовали парой осторожных улыбок.

Переведя дух, здоровяк хитро прищурился:

– Ну, братцы, поумнели мы сегодня! Всё теперь знаем! Только вот с Горой то как? Нынче, всему Острову от неё покоя нет! Вот и из Верно человек... мы, извините, уже расслышали. Я так понимаю, и в Обсерватории забеспокоились, – здоровяк перевёл взгляд на Ингмара, – сдаётся мне, вас не иначе как к самой Горе и послали?

Прочие местные наперебой вторили здоровяку:

– Кто там нашу Гору щекочет?

– Да так, что в верховьях бывает не до смеха...

– Уж как хотелось бы знать, что там у *вас* про её «хохот» думают!

– Да! И когда она уже, наконец, заткнётся!?

Ингмар заглянул в початую кружку, потом посмотрел на свою ладонь, будто студент забывший, где спрятал шпаргалку... Однако что-то сказать было надо:

– Действительно, послали меня именно к Горе. Послали именно потому, что у нас тоже крайне мало понимают в происходящем. Знаю я немногим больше вашего. Есть, конечно, версии, предположения..., но по большому счёту опирается всё на те же самые байки и домыслы, что так разгулялись здесь сегодня. Множить их сейчас нет смысла. Рано пока про Гору говорить. Лучше давайте так: зайду сюда на обратном пути..., наверное, через месяц. В любом случае, тогда я буду знать больше. А если удастся проблему решить, то будет даже повод и выпить как следует! А сегодня не могу я больше пить без повода – с утра хотелось бы выйти на тракт твёрдым шагом.

Рыбаки загалдели:

– Вот ответил, так ответил!

- Так, что и вовсе ничего не сказал!
- Да. Так только учёные люди могут...
- Да что там, спасибо и на том! За прямоту, и что времени на нас не пожалели.
- А про обратный путь мы помнить будем, – улыбаясь, заверяли местные.

Первым поднялся здоровяк в шляпе:

– Ладно, братцы, любопытствовали и дадим умникам отдохнуть с дороги. – Здоровяк был доволен разговором, скрипя досками, шатаясь, но упрямо упираясь сапогами в пол, «старый корабль поплыл к родным берегам». «Братцы» медленно потянулись за ним, как полные улова сети за рыбацкой баркой.

Той грохнул своей кружкой по кружке Ингмара:

– Лекция удалась! Читал я кое-что..., но всегда приятно, когда о сложном говорят просто и кратко.

Когда они допили своё пиво, Той окинул зал лёгким, лишённым претензий и фокуса взглядом:

– То ли пора спать, то ли мне этот кабак уже снится?

***

Той проснулся от света и шума. Солнце с любопытством заглядывало в открытое окно комнаты. А ещё в него бестактно и назойливо лезли скрипы и стуки утренней суеты. Вчерашние бездельники спешили покинуть насиженное место. Видимо их преследовали всяческие неотложные дела и дела, отложенные не далее как до сегодняшнего утра. Той выпутался из-под одеяла и разыскал все свои одёжки, кроме левого носка. Натянув штаны, Той присмотрелся, призадумался, прислушался к своим ощущениям и явственно почувствовал потерянный носок в штанине. Разобравшись с этим, он осознал, что хочет пить. А допив остатки воды из походной фляги, Той понял, что голоден.

Он закинул за спину сумку и спустился в зал. За их вчерашним столиком его поджидал Ингмар. Он наслаждался извечными рыбацкими разговорами. Той тоже прислушался. Выходило, что погода будет «как всегда», а «хохот» с Горы этой ночью был, будто бы громче обычного. Рыбаки у стойки бодрились, кто пивом, кто чаем. Кто пободрее, проверяли поклажу и подсчитывали вырученные за рыбу деньги. Некоторые считали своим долгом «как следует заправиться» перед обратной дорогой. Глядя на них, трудно было сказать, когда они окажутся дома: завтра, послезавтра, или когда кончатся все деньги. А может, будут угощаться до тех пор, пока за ними не придёт уставшая молчаливая женщина. Тогда бедолага будет шуметь, каламбурить, утверждать, что вообще холост и, горлопаня непристойные песни, отправится домой «под конвоем».

Пока Той доедал яичницу, Ингмар наблюдал как в зале понемногу собирается, чуть ли не вся вчерашняя «команда».

– Не хочется нынче утром устраивать вторую лекцию для тех, кто вчера, во хмелю кое-чего не разобрал. Мне в Обсерватории рекомендовали зря времени не терять. По крайней мере, до тех пор, пока не станет ясно – что с Горой.

– Это понятно. Ты к Горе идёшь не ради одних новостей...

Ингмар уточнил свой сложный порядок в сумке, поправил очки и подмигнул Тою:

– Нам с тобой дороги до Маяка хватит, чтобы всесторонне обсудить, зачем мы туда идём.

Той, предвкушая путешествие, радостно давился чаем, торопливо расплачивался с трактирщиком, горячо и сумбурно прощался с местными.

Они выходили из Трактира сопровождаемые добрыми напутствиями и взглядами полными смутных надежд.

К Маяку

Остров был весь испещрён оврагами, расщелинами, каменными уступами, мелкими речушками и болотцами. От того местные тракты выглядели затейливо: вдоль обрывов огады из необработанного камня, в сырых низинах деревянный настил, всевозможные мостики весьма оригинальных конструкций, а ближе к Горе можно было обнаружить пару низеньких и тесных тоннелей.

Не все тропы здесь были приветливы и доброжелательны к усталому путнику. Кое-где неприступные скалы чередовались лишь с глубокими ущельями, да быстрыми реками. В таких местах над обрывами покачивались три прочных каната.

Той шёл и удивлялся: «почему островитяне так редко отходят далеко от своих селений?» Сейчас, Той готов был идти уже только затем, чтобы увидеть, как устроена дорога впереди.

Сейчас они шли по заросшему разнотравьем плоскогорью. Той, всматривался в горизонт, стараясь угадать заранее, куда повернёт их тропа:

– Выходит, что нынче от нас всюду новостей ждут.

Ингмар ответил задумчивой улыбкой.

Утренняя дымка рассеялась, и Той с интересом изучал открывшиеся пространства. Вдалеке, на север от трактира дыбились скалы. Утёсы ревниво громоздились друг на друге, соперничая в крутизне и вычурности форм. Всё это громоздье укладывалось в подобие некоей «неправильной» пирамиды. Это причудливое образование островитяне и называли Горой.

Отсюда было не разглядеть, но Той знал: подобраться к Горе не так просто – от Горы плоскогорье отделяет обрыв, Гора практически полностью оторвана от остальной части Острова глубоким ущельем с отвесными склонами. Той помнил, что где-то, на запад от Маяка есть некая «Переправа». Однако думать об этом пока было рано...

Несколько правее Горы, там, где должен быть Рыбацкий берег, собирались тяжёлые тучи – медленно, но упрямо. Ингмар поглядывал на них с беспокойством. Теперь компаньоны шли быстро. Хотелось пройти как можно больше, пока держится погода. Тучи угрожающе нависали над путниками, но пока дождь обходил их стороной – по ущелью между плоскогорьем и Горой. Тем временем, Той уже мог различить силуэт Маяка. Ветер с побережья немного расстрепал густое варево туч. Просветлело. Той всматривался вдаль столь усердно, что временами спотыкался. Маяк вцепился в угловатый утёс восточнее Горы и с завистью таращился на её недосыгаемые высоты. Пока они приближались к Маяку, к ним всё ближе подкрадывалась и сама Гора. Она медленно приподымалась над лесами, будто любопытствуя: «Кто там бредёт вдалеке? ...не разобрать – слишком далеко и слишком медленно...».

Они уже довольно долго шли молча. Ингмар всё «присматривал» за погодой, периодически сверяясь с каким-то маленьким, округлым прибором. Той, всё чаще, с недоверием посматривал на растущую впереди Гору:

– А что ты думаешь про те байки в Таверне, про Гору, про дракона?

– Как и в любой байке, своя доля правды во всём этом есть.

– Это я понимаю. Но в давешней «солянке» отделить факты от вымысла никак не смогу. До Маяка было ещё далеко, и на вопросы Ингмар отвечал обстоятельно:

– Для начала уясним, что тебе уже известно. Слышал что-нибудь о Потивегане?

– Ученик-отступник из школы Гортанга. Рассказывают, обладал феноменальной энциклопедической памятью и имел дурную привычку сжигать книги сразу по прочтении. Простой люд судачит, что якобы Потивеган, некогда разбудил в недрах Горы, то ли дракона, то ли что... , то ли посредством какого-то агрегата, то ли с помощью некоей музыки написанной по особым формулам. Что из этого, правда? В Горе на самом деле кто-то живёт?

– Как тебе сказать... своего рода дракон, некоторым образом существует, только вряд ли ты его увидишь. А вот услышишь запросто. Строго выражаясь, это конечно и не дракон вовсе, а некое чудное и опасное стечение обстоятельств. Но простым людям всегда проще сказать «дракон», чем разбираться, в чём дело, как оно устроено и кто виноват.

– «Виноватые», как я понимаю, давно почили. Расскажи лучше «как оно устроено»?

– Наши представления на этот счёт всё ещё требуют многих уточнений. Дракона нет, но кое-что там есть... В общем смысле это некий механизм, своего рода музыкальный инструмент – Арфа. Это многосложное, высокоорганизованное сооружение, этакий стационарный органоид, призванный контролировать опасные тектонические тенденции в глубинах Острова. Некогда, некто, Потивеган предпринял ряд опасных экспериментов с Арфой. Тогда всё кончилось катастрофой. Потивеган погиб, а с ним чуть было не погиб и наш Остров... Некоторые считают, что вопрос тогда стоял несколько шире: угроза существованию Большой земли, планетарная катастрофа... Так вот, дело в том, что Арфа всё ещё функционирует. Почему она вновь зазвучала именно сейчас, сказать трудно. Некие ритмичные звуки собираются в особую последовательность. Так называемый «хохот», входит в резонанс с дыханием Горы. Аппарат беспокоит Гору, будит в ней недоброе. От того и земля временами дрожит и дым над Горой видят...

– «Дракон» конечно звучит проще и понятней, но как ты рассказываешь, мне тоже нравится. Может ты даже знаешь, что нам с этим всем делать?

– Некоторые соображения конечно есть. Но с чего начать, и как не сделать лишнего, не знает никто. В Обсерватории все пребывают в растерянности. Во-первых, чтобы приблизиться к Арфе необходимо погасить «хохот» ещё на подходе. А потом, нельзя просто остановить её работу, нельзя грубо сломать Арфу. Последствия невычислимы. Тут нужен другой инструмент. Может несколько. Нужна чётко выверенная композиция. Хорошо бы применить и Быструю речь в верной тональности. Быстрая речь, при умелом использовании, может нивелировать резонанс Арфы. На рыбацком берегу петь умеют, но «Язык Ворона» теперь редкость... В былые времена знающие умели использовать Речь и при культивации почв, и при строительстве. К сожалению, сейчас все знания и инструменты школы Гортанга канули в недрах Горы. Искатели в Обсерватории – в основном неподъёмные старики. И вот в надежде, что всю нужную информацию, людей и оборудование я найду по дороге, меня отправили к Ориенту... Хорошо если он жив...

– Ориент на Маяке?

– На Маяке, наверняка кое-кто кое-что знает. Хочу поговорить со Смотрителем, и на Рыбацкий берег спустится, тамошние сплетни послушать. Я думаю, Ориент может жить где-то во взгорьях, а то и на самой Горе. В ней множество пещер. Некоторые смертельно опасны, некоторые – уютные жилища с естественным водоснабжением и освещением.

– Есть у нас что-то ещё кроме Ориента?

– Есть. Я пробовал создать собственный инструмент. У меня с собой опытный образец. Это флейта. Пока она звучит не совсем верно. Есть все чертежи, есть почти все нужные детали, лишь для одной я не нашёл подходящего материала. Что бы я ни пробовал, деталь разрушается от вибрации при низкой тональности. Надеюсь в верховьях подобрать что-нибудь подходящее.

– Закончишь инструмент, и что потом?

– Конечная цель в недрах Горы. Потивеган изменил и надстроил Арфу, создав нечто громоздкое и чудовищное. Видимо, только в таком монструозном творении могли с комфортом разместиться его непомерные амбиции.

– Органоид... механический клавиесин... интересно было бы посмотреть.

– Почти никто из ныне живущих его не видел. Говорят, есть там, и то, и другое... Но в основе агрегата огромная Арфа. Она расположена в уникальной системе пещер. Их акустика такова, что звук проникает в самые глубины. Там, в основании Горы особая карстовая порода. До неё Потивеган и хотел добраться. С ней резонирует Арфа.

– Ты говорил, что когда доберёшься до пещер, нужно будет петь..., я Быструю речь знаю и сочинять могу, знаю строй и некоторые формулы.

– Напой что-нибудь.

Той пел не громко, но ясно. Без нажима, деликатно и с пониманием касался слов фактурным, шершавым голосом. Все прочие шумы окружающего мира будто исчезли – звучала Быстрая речь, чудная смесь щебета и карканья, скороговорки согласных звуков на фоне протяжных стонов изменчивой тональности. Каждое Слово такой речи могло означать много больше обычного слова. Первое Слово песни можно было бы трактовать приблизительно так:

{ Долгая история
короток рассказ
Это только ты
только в этот раз... }

Голос тихо звенел верхами и гулко шебуршал внизу. Слова бойко выплясывали вдоль незамысловатого мотива. Мотив был прост, но не примитивен. Было похоже, то на утончённую элегию, то на детскую считалку. Той крепко держал внимание Ингмара. Текст убеждал и очаровывал. Звуки вкрадчиво заклинали изяществом и порядком. Видимо Ингмару нравилась эта изысканная простота. Местами он кивал и улыбался. Песня, не слишком длинная и не слишком короткая, кончилась как раз перед развилкой.

Теперь, они молча стояли у дорожного столба, сплошь покрытого искусной резьбой. Мох успел добраться уже до середины, а множество трещин давно перечеркнули всё написанное. Без конца поправляя очки, Ингмар силился разобрать надпись. Какое-то время он напряжённо всматривался в безысходный лабиринт из черт рукотворного и естественного происхождения. И вдруг заговорил, медленно, будто читал со столба:

– Хорошо, что мы встретились. Когда ты вышел из Верно, твоя цель была – лишь узнать, что с Горой твориться, новостей собрать. Не будет же для твоей миссии ущерба, от того что ты и в разрешении нынешней напасти поучаствуешь? Если конечно более важных дел у тебя нет...

– Да куда уж важнее этого! – Той сделал амплитудный, витиеватый жест в сторону Горы.

– Тогда предлагаю идти вместе до конца, то есть до Арфы и до окончательного решения вопроса. Пока мы ищем, «с какого края к Горе подобраться», начинай сочинять. Вяжи слова так, чтобы скал, моря, ветра и огня было поровну. И вплетай в текст всё, что узнаёшь по пути о Горе и Арфе, – Ингмар с улыбкой коснулся столба, – ничего не разобрать, да нам и так всё ясно. К Маяку ведёт правая тропа. Это и на твоей карте показано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.